

вает, что святой был хорошо знаком с его текстом и опирался на него. Это позволяет иначе оценить устав, подготовленный Евфросином. Очевидно, что он должен был не заменить или вытеснить собой Иерусалимский или Скитский устав. Это было бы невозможно, поскольку названные уставы были существенно пространнее и включали в себя такие богослужебные и дисциплинарные разделы, которые не могли быть замещены сочинением русского подвижника. Знакомство с церковным Иерусалимским уставом при подготовке собственного монастырского устава показывает, что Евфросин намеревался дополнить дисциплинарную часть Иерусалимского устава, оставив в неприкосновенности богослужебные разделы. Иноческая жизнь в XV столетии на Псковщине, в новосозданной обители, несомненно, имела особенности в сравнении с обиходом монастырей на православном Востоке, отразившимся в Иерусалимском уставе. Можно полагать, что устав Евфросина Псковского должен был приспособить церковные правила, отрегулировав их в соответствии с местными обычаями и представлениями самого основателя Трехсвятительской обители.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-47-59

© К. Н. Лемешев

ТЕОРИЯ ВЫМЫСЛА В «РИТОРИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА: ДВЕ РЕДАКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В изучении «Краткого руководства к красноречию» 1748 года М. В. Ломоносова существенную роль играет выявление его источников. Важные результаты, достигнутые в последнее время в этой области,¹ убедительно показывают, что «Риторика» Ломоносова существовала в широком историко-литературном контексте и что контекст этот может быть определен в своих наиболее важных частях. Между тем ценным источником для понимания трактата являются его подготовительные и черновые редакции и варианты. К их числу относятся прежде всего: 1) «Краткое руководство к риторике» 1744 года; 2) собственноручная рукопись Ломоносова, по которой набирался текст «Краткого руководства к красноречию», и 3) корректура.² Именно в рукописи мы находим пример правки, которая имела ключевое значение для появления новой редакции важного теоретического фрагмента.

В начальных параграфах главы 8 части I «О изобретении» (§ 148—151) «Краткого руководства к красноречию» Ломоносов излагает основы теории художественного вымысла (*лат. fictio*). Художественный вымысел в искусстве понимается как «создание сюжетов и образов, не имеющих прямых соответствий в предшествующем искусстве и реальности», и при этом вымысел «не является произвольным фантазированием».³ Известное положение «Поэтики» Аристотеля: «задача поэта — говорить <...> о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по ве-

¹ Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторике Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред. А. А. Костин, А. О. Демян. С. 41—53; Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Vol. 2. С. 9—34.

² Сведения об этих источниках приведены в: Блок Г. П., Макеева В. Н. Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 805.

³ Хализев В. Е. Вымысел // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 153.

роятности или по необходимости» — ввело в теоретические размышления о вымысле представление о его связи с действительностью.⁴ Вопрос о допустимости и границах вымысла, о соотношении вымысла и подражания, вымысла и действительности в разные периоды развития литературы и литературно-эстетической мысли становился предметом теоретического осмысления и споров. Не является здесь исключением XVIII век, и это находит отражение, как мы увидим, в истории разбираемого фрагмента ломоносовской «Риторике».

Для этого фрагмента характерны несколько особенностей. Во-первых, это высокая степень концентрации теоретического материала, в целом не свойственная «Риторике» Ломоносова, в которой, в соответствии с традицией, большую роль играют примеры. Достаточно сказать, что в этих четырех параграфах ни одного текстового примера нет вообще — они только упомянуты. Вторая особенность уже не имеет никакого отношения к традиции и связана сугубо с авторским изложением. Дело в том, что это единственный в «Риторике» случай, когда мы можем говорить о двух редакциях достаточно крупного и законченного в смысловом отношении фрагмента. Отличия между двумя редакциями § 148—151 значительны и заключаются в серьезной переработке теоретических положений. Наконец, третья особенность состоит в том, что особую роль в появлении новой редакции § 148—151 сыграло изменение в расположении материала. Произошло перемещение текста в рукописи из предпоследней главы (глава 5 «О расположении описаний» части III «О расположении»), т. е. из самого конца книги, в середину, в § 151 главы 8 «О вымыслах» части I «О изобретении».⁵

Текст § 148—151 не сразу привлек к себе внимание исследователей. А. С. Будилович ограничивается указанием на то, что глава «О вымыслах» в теоретическом отношении является «сравнительно наиболее оригинальной» (изучением разных редакций «Риторике» Будилович не занимался).⁶ В издании М. И. Сухомлинова варианты редакций отражены, однако различия между ними никак не прокомментированы. И только в рамках известной полемики между А. А. Морозовым и редакторами 7 тома Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (далее — ПСС), в котором «Краткое руководство к красноречию» было опубликовано, тексту § 148—151 наконец-то было уделено внимание.⁷ Однако следует отметить, что участников полемики интересовал этот фрагмент не сам по себе, но только как источник аргументов в споре о «каноническом тексте». Это предопределило и неполноту анализа, и зависимость суждений от заранее занятой позиции. В то же время следует сказать, что оппонентам удалось «совместными усилиями» (пусть даже и без намека на компромисс и примирение) выявить объективно существующую филологическую проблему двух редакций текста § 148—151. К сожалению, по окончании полемики ее участники не вернулись к этой проблеме, не произошло этого и в последующее время. В настоящей статье мы предпринимаем попытку уточнить представления о соотношении редакций теоретических параграфов главы «О вымыслах» и о том значении, которое они имеют для риторической теории Ломоносова.

Важной особенностью описания вымыслов в «Кратком руководстве к красноречию» является сам факт включения их в трактат по риторике. Представля-

⁴ *Аристотель*. Об искусстве поэзии / [Пер. с древнегреч. В. Г. Апеллерота; ред. пер. и комм. Ф. А. Петровского]. М., 1957. С. 67.

⁵ Напомним, что еще А. С. Будилович указывал на особое расположение материала как на признак оригинальности ломоносовского трактата, см.: *Будилович А. С.* М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869. С. 104.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ *Морозов А. А.* Последняя воля Ломоносова // *Звезда*. 1956. № 4. С. 167—172; *Блок Г. П., Виноградов В. В., Бархударов С. Г.* По поводу одной критической статьи (Письмо в редакцию) // *Изв. Академии наук СССР. Отд. литературы и языка*. М., 1956. Т. XV. Вып. 5. С. 469—472; *Морозов А. А.* Академический брак и его ученые защитники // *Звезда*. 1957. № 2. С. 220—221.

ется, что традиция, на которую мог бы ориентироваться Ломоносов, предполагала их рассмотрение в составе поэтики. Особенно наглядно это проявляется в творчестве тех авторов, у которых были труды по обеим дисциплинам, в частности у Феофана Прокоповича и И. К. Готшеда, и которые при этом рассматривали вымыслы именно в поэтике. Наиболее простое объяснение факту «перемещения» вымыслов могло бы заключаться в том, что Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» мыслит риторику как дисциплину, общую по отношению к «оратории» (теории прозы) и «поэзии» (поэтике, теории стихотворной речи). Это положение сформулировано им в § 10 «Вступления» в § 1 основной части. А для вымыслов характерна как стихотворная, так и прозаическая форма.⁸

Параграфы 148—151 открывают главу 8 «О вымыслах» первой части «Риторики» 1748 года, которая называется «О изобретении».⁹ Их первая редакция читается в рукописи и корректуре. Однако она не была опубликована: в первом издании «Краткого руководства к красноречию» 1748 года читается текст второй редакции этих параграфов. Первое свидетельство ее существования мы также находим в корректуре. Вот как описывают это авторы Примечаний к 7 тому ПСС: «...весь § 148 так же, как и §§ 149, 150 и 151, зачеркнут (в корректуре. — К. Л.); судя по условному корректурному знаку, сделанному рукой Ломоносова, к корректуре был приложен им взамен зачеркнутого другой текст § 148, 149, 150 и 151, написанный на отдельном листке, который не сохранился».¹⁰ Итак, рукописного варианта второй редакции § 148—151 не сохранилось. Не дошло до нас и отдельного корректурного оттиска печатного листа I, на котором она находится. Появившись в издании 1748 года, она была затем воспроизведена Ломоносовым во 2-м издании «Риторики» в составе «Собрания разных сочинений» 1759 года (без существенных изменений и с минимальной лексической правкой, не затрагивающей содержательную сторону теории).

При этом первую редакцию § 148—151 нельзя считать черновой, подготовительной или дефектной в каком-либо отношении. Она является именно полноценной редакцией, и по времени появления — первой. Не так давно, благодаря найденному А. А. Костиным и автором настоящей статьи в Отделе редких книг Научной библиотеки Саратовского государственного университета экземпляру «Риторики» 1748 года, удалось восстановить важное недостающее звено в истории ее текста.¹¹ В отличие от остальных экземпляров в нем читается не вторая, а первая редакция «Вымыслов». Таким образом, первая редакция, появившись 4 мая 1747 года (этой датой подписан в корректуре содержащий ее лист I) не только просуществовала целый год в качестве основной, но и смогла «проникнуть», как минимум, в один из переплетенных в конце весны 1748 года экземпляров основного тиража первого издания. После этого еще раз первая редакция была воспроизведена в третьем по счету (и вместе с тем последнем прижизненном) издании «Риторики» в 1765 году.¹²

⁸ Правда, вымыслы были описаны уже в «Кратком руководстве к риторике» 1744 года, в котором риторика определялась не как общая дисциплина, но только как учение о том, как «сочинять слова прозаические» (в § 4). Однако здесь нет противоречия, поскольку и сами вымыслы в «Риторике» 1744 года рассматривались как риторические фигуры, а их описание находилось в части II «О украшении» в главе 3 «О изображении сложных идей» в § 112.

⁹ Далее в статье эти четыре параграфа будут также сокращенно обозначаться как «Вымыслы».

¹⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 220; прим. «д».

¹¹ Данное исследование было проведено в рамках проекта РГНФ «„Краткое руководство к красноречию“ М. В. Ломоносова: творческая история, источники, текст» (№ 15-04-00551).

¹² Дискуссия между А. А. Морозовым и редакторами 7 тома ПСС была связана как раз с вопросом о том, принимал ли Ломоносов участие в подготовке этого издания. Подробное изложение истории первого издания и прижизненных печатных редакций «Краткого руководства к красноречию» см.: Костин А. А., Лемешев К. Н. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: история первого издания (1748 год) // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 310—346.

Представим теперь краткое содержание этих редакций, чередующихся друг с другом в прижизненных изданиях «Краткого руководства к красноречию». В обеих редакциях текст начинается с общего определения вымыслов в § 148:¹³

Вымыслом называется идея, противная натуре или обыкновениям человеческим, заключающая в себе идею обыкновенную и натуральную и оную собою великолепнее, сильнее или приятнее представляющая (§ 148-ред. 1).

Вымыслами называются предложения, которых действительно на свете не бывало или хотя и были, однако некоторым отменным образом (§ 148-ред. 2).

При сравнении этих формулировок необходимо учитывать соотношение терминов и понятий внутри самой «Риторики». Так, в дефиниции первой редакции используется понятие «идея». Во второй редакции термин «идея» не употребляется ни разу, а в качестве опорного используется термин «предложение». Но если мы посмотрим на то, как в «Риторике» определяются «предложения», то увидим, что их определение строится именно на понятии «идея»: «...сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют» (§ 34).¹⁴ При этом употребление термина «предложение» сразу позволяет подчеркнуть, что в контексте «Риторики» вымысел — это прежде всего «словесно или письменно сообщенное» высказывание, обладающее законченным смыслом.

Важное в теоретическом плане указание на связь вымыслов с действительностью («идея, противная натуре (...), заключающая в себе идею обыкновенную и натуральную») ушло из дефиниции второй редакции, однако оно компенсируется комментариями в § 155—161, которые, надо заметить, также имеют статус теоретических, поскольку, по мысли автора, в них представлены «правила к составлению чистых вымыслов» (§ 155). Вымыслы описываются в них как некие «конструкции», возникшие в результате разнообразных операций с «натуральными» вещами (соединение и приложение частей, увеличение, умножение и т. д.), а в § 156 содержится прямое указание на необходимость «наблюдать подобие вымышленного изображения с самою вещию».

Далее, в первой редакции в § 149 находим развернутое образное сравнение вымыслов с «военными хитростями» («Вымыслы в красноречии таковы суть, каковы на сражениях военные хитрости»). В коротком § 150-ред. 1 автор указывает на связь вымыслов с «возвышением слова»: вымыслы и «в стихотворстве имеют великую силу и могут по справедливости душею высокого стиха назваться», и вместе с тем «прозу немало возвышают». Наконец, в § 151-ред. 1 представлено разделение вымыслов на чистые и смешанные: «Чистые состоят в целых повествованиях и действиях, которых на свете не бывало, составленных для нравоучения (...) Смешанные вымыслы состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение».

Все названные выше тематические блоки представлены и во второй редакции, при этом она была дополнена новыми теоретическими положениями. Во второй редакции полностью изменилось содержание § 149: он целиком посвящен разделению вымыслов на описания и повествования, которое в первой редакции отсутство-

¹³ Здесь и далее при цитатах из «Риторики» в тексте будут указываться номера параграфов (а для «Вымыслов» также редакций), а не страниц, что удобнее и обеспечивает большую точность ссылки, поскольку нумерация страниц в 1-м и 2-м (2011—2012) изданиях ПСС не совпадает, а объем параграфа, как правило, меньше объема печатной страницы.

¹⁴ Дефиниция понятия «предложение», данная в этом параграфе, в дальнейшем не уточняется и не пересматривается и является, таким образом, актуальной для любых редакций и вариантов текста.

вало. Еще одна теоретическая новация появляется в § 150-ред. 2: разделение вымыслов на цельные и частные. С этим связан перенос в него (из § 149 первой редакции) сравнения вымыслов с военными хитростями: во второй редакции это сравнение относится именно к «частным вымыслам». Тезис о связи вымыслов с «возвышением слова» сохраняется, но сокращается до короткого упоминания о том, что вымыслы «в правдивое слово ораторы и стихотворцы для его возвышения вменяют».

Более всего изменился текст § 151. Во второй редакции разделение вымыслов на «чистые и смешанные» было из него перенесено в § 148, а в самом § 151 появился принципиально новый теоретический материал: краткое описание жанров, непосредственным источником которого (для большей части его текста) является параграф, имевший в первоначальном тексте рукописи номер 305 (далее — § 305-рук.) и находившийся в 5 главе («О расположении описаний») части III «О расположении». В рукописи этот параграф был зачеркнут, в корректуре не отразился и в издание 1748 года не вошел. В ПСС он приведен в подстрочных примечаниях как вариант, однако ни у А. С. Будиловича и М. И. Сухомлинова, ни в послетекстовых примечаниях Г. П. Блока и В. Н. Макеевой никаких комментариев относительно текстуальных связей § 305-рук. и § 151-ред. 2 нет. Приведем текст § 305-рук. целиком, а затем рассмотрим последовательно как его сходства, так и отличия от § 151-ред. 2: «Вымышленные повествования разделяются на повести, притчи, сказки и басни. Притчами называются краткие вымышленные повествования, имеющие в себе нравоучение, кратко и ясно изображенное. Примеров довольно видеть можно в Езопе и в других авторах, которые ему последовали. Повесть есть пространное вымышленное или смешанное повествование, содержащее в себе многие нравоучения, явственно или скрытно предложенные. Сюда надлежит Телемак, Барклаева Аргенида и проч. Басни или и сказки также суть вымышленные, однако суетные повествования, никакого в себе нравоучения не имеющие и только для увеселения и препровождения времени от праздных людей составленные. Повести располагаются, как выше сего в § показано. Итак, здесь предлагаем только правила о расположении притчей» (§ 305-рук.).

Состав и наименования «вымышленных повествований», описанных в § 305-рук., в точности совпадают с упоминаемыми в § 151-ред. 2 «цельными вымыслами в прозе»: в обоих параграфах речь идет о повестях, притчах, баснях и сказках, ср.:

«Вымышленные повествования разделяются на повести, притчи, сказки¹⁵ и басни» (§ 305-рук.).

«Цельные вымыслы <...> в прозе — повести и также басни и притчи. <...> Из сего числа включаются сказки» (§ 151-ред. 2).

Далее следует характеристика повестей:

«Повесть есть пространное вымышленное или смешанное повествование, содержащее в себе многие нравоучения, явственно или скрытно предложенные» (§ 305-рук.).

«Повестью называем пространное вымышленное чистое или смешанное описание какого-нибудь деяния, которое содержит в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах» (§ 151-ред. 2).

Сходство (местами дословное) этих определений будет еще более выразительным, если учесть, что употребленное в формулировке § 151-ред. 2 выражение «описание какого-нибудь деяния» является перифразой по отношению к термину «повествование», употребленному в § 305-рук. Перифраза эта основана на дефиниции понятия «повествование», которое в самой «Риторике» (в § 285) определяется

¹⁵ Как видим, «сказки» названы в § 305-рук. в общем ряду, однако далее в тексте параграфа они исключаются из числа рассматриваемых жанров по причине «суетности» и, таким образом, в отношении к «сказкам» параграфы совпадают.

именно как «представление деяний» («Представление деяний называется особливим именем — повествование»). Ясны и причины использования перифрастического оборота: это нужно для устранения нежелательного корневого повтора («Повесть есть (...) повествование») в формулировке § 305-рук. Таким образом, в § 151-ред. 2 перед нами улучшающая стилистическая правка первичного варианта формулировки из § 305-рук. Далее в § 305-рук. идет описание притч, с которым, как и в случае с повестями, текст § 151-ред. 2 обнаруживает почти дословное сходство:

«Притчами называются краткие вымышленные повествования, имеющие в себе нравоучение, кратко и ясно изображенное. Примеров довольно видеть можно в Езопе и в других авторах, которые ему последовали» (§ 305-рук.).

«Притча есть также краткий вымысел, соединенный со нравоучением, которое из оного следует. Примеры довольно видеть можно в Езопе» (§ 151-ред. 2).

Итак, в определении состава повествовательных жанров, а также в дефинициях повестей и притч прослеживается зависимость § 151-ред. 2 от § 305-рук. Однако продолжая сравнение текста § 305-рук. и § 151-ред. 2 мы обнаружим и существенные различия между ними, которые касаются жанра басен:

«Басни или сказки также суть вымышленные, однако суетные повествования, никакого в себе нравоучения не имеющие и только для увеселения и препровождения времени от праздных людей составленные» (§ 305-рук.).

«Баснею называем краткий цельный вымысел, который служит к возбуждению веселия или любви и к оных изображению. Такие басни в прозе писал Филострат о купидонах, а в стихах — Анакреон; примеры смотри § 299 и 300» (§ 151-ред. 2).¹⁶

Различие очевидно: в § 305-рук. Ломоносов исключает басни вместе со сказками из числа описываемых жанров, по той причине, что они составлены «только для увеселения» и «никакого в себе нравоучения не имеют». А в § 151-ред. 2, напротив, они рассматриваются в общем ряду с другими жанрами, хотя упоминание о «веселье» в их дефиниции не только сохраняется, но становится ведущим признаком, да и признака «нравоучительности» они не приобретают. Этот факт сам по себе чрезвычайно интересен и заслуживает отдельного изучения.¹⁷ Но для «Риторики» описание басен и произошедшие в нем перемены представляют интерес также с точки зрения истории текста.

Критика басен в § 305-рук. исключала возможность их появления в дальнейшем тексте, и на это есть прямое авторское указание в заключительной фразе § 305-рук.: «Итак, здесь предлагаем только правила о расположении притчей».

¹⁶ Употребление лексемы «басня» в первой редакции «Вымыслов» и в § 305-рук. не позволяет точно определить ее значение и говорит о том, что понимание «басни» менялось: в § 151-ред. 1 упоминается «Апулеева басня о золотом осле», а в § 305-рук., как уже говорилось выше, басни вообще исключаются из дальнейшего рассмотрения. Это свидетельствует об отсутствии сложившихся представлений об этом жанре и о процессе формирования таких представлений.

¹⁷ Следует отметить, что характер примеров (тексты Анакреонта и Филострата) мог повлиять и на выбор наименования «басня», однако не в связи с тематикой «веселья и любви»: в русском языке XVIII века у этого слова и его производных среди значений было и значение «миф, мифология (языческая, античная); мифологический» (см., например, слова «басня», «баснословие», «баснословный» в «Словаре русского языка XVIII века». Л., 1984. Вып. 1. С. 147, 148). Связь персонажей и сюжетов Анакреонта и Филострата с мифологией могла определить выбор наименования. С другой стороны, нельзя не отметить, что лексема «басня» является более удобным обозначением любого вымышленного нарратива вообще (стихотворного и прозаического, краткого и пространного), чем, например, лексемы «поэма», «повесть» или «история». При этом обязательного нравоучения басня не предполагает. Возможно, именно это предопределило ее использование Ломоносовым в качестве наименования выделенной им разновидности вымысла, которая объединяла как стихотворные, так и прозаические тексты.

В полном соответствии с этим заявлением в последующих четырех параграфах, действительно, рассматриваются разные типы притч с примерами. Однако далее в тексте появляется § 309, в котором описана как раз басня, и в качестве таковой фигурирует стихотворный «пример из Анакреонта» («Ночною темнотою покрылись небеса...»): «Басня состоит из одной части, то есть из краткого повествования, которое располагается натуральным порядком, как само деяние следует. На конце должно быть всегда что-нибудь нечаянное. Пример из Анакреонта <...>» (§ 309; далее следует текст примера. — К. Л.).

При этом Ломоносов не ограничивается введением в текст § 309. Объем басенного материала расширяется посредством ремарки в конце этого параграфа: «Прозаичные примеры смотри в §§ 299 и 300». В § 299 и 300, действительно, находим два отрывка из «Картин» Филострата, переведенные Ломоносовым, причем в самих этих параграфах данные отрывки не охарактеризованы как басни, они находятся в ряду примеров (§ 297—300), иллюстрирующих короткие вымышленные повествования без дополнительных уточнений жанра. Таким образом, жанровая характеристика приписывается этим текстам Филострата «задним числом», с помощью отсылочной ремарки в § 309, которая, как и сам § 309, могла появиться только после того, как был зачеркнут § 305-рук. и произошло переосмысление басни, получившей статус полноправного литературного жанра.

В текстологическом плане подобный «переворот» в понимании басни может свидетельствовать о следующем. Еще в момент написания § 305-рук. Ломоносов не предполагал отдельного описания басен. Он исключал их из числа рассматриваемых им литературных жанров и планировал ограничиться притчами и повестями (содержащими непременно «нравоучения»), о чем прямо заявил в конце § 305-рук. После этого произошел перенос текста § 305-рук. в § 151-ред. 2, который сопровождался радикальной переоценкой басни, что, в свою очередь, делало возможным появление в дальнейшем тексте § 309. То, что вторая редакция § 151, с одной стороны, и § 299, 300 и 309 — с другой, несмотря на большое расстояние, их разделяющее, мыслятся, по сути, как единый текстовый фрагмент, подчеркивается отсылкой на примеры из Филострата и Анакреонта, сделанной непосредственно в дефиниции басен в § 151 («...басни в прозе писал Филострат о купидонах, а в стихах — Анакреон; примеры смотри §§ 299 и 300»). Заметим, что это единственный в «Риторике» случай такой направленной вперед ссылки с указанием точного номера параграфов.

В связи со всем вышеизложенным последовательность работы Ломоносова над текстом можно представить так:

- 1) первая редакция § 148—151;
- 2) § 299 и 300 с отрывками из Филострата в качестве примеров «вымышленных повествований» (о том, что они являются «баснями в прозе» автор в тот момент еще ничего не говорит);
- 3) § 305-рук. с дефинициями повествовательных жанров и негативной характеристикой «басен»;
- 4) завершение § 305-рук. прямым указанием на то, что дальше будут рассмотрены только притчи.

Далее происходит несколько взаимосвязанных изменений:

- 5) перенесение формулировок § 305-рук. в § 151-ред. 2; сам § 305-рук., послуживший «строительным материалом» для § 151-ред. 2, в рукописи зачеркивается;

- 6) переосмысление басен и появление в тексте «Риторике» § 309 с «басней» Анакреонта; в конце параграфа появляется ссылка на § 299 и 300, необходимая для того, чтобы ввести в текст, хотя бы и «задним числом», прозаические примеры басен; таким образом, в «Риторике» появляются сразу три «басни» — две прозаические и одна стихотворная;

7) появление в § 151-ред. 2 дефиниции басни; в нее вводится ссылка на эти три примера.

Последнее обстоятельство имеет датирующее значение. Дело в том, что номера 299 и 300 у параграфов с примерами из Филострата появляются только в корректуре, в рукописи они были другими: 300 и 301 соответственно. Но в § 151-ред. 2 в ссылке на них используются уже новые номера («басни в прозе писал Филострат о купидонах, а в стихах — Анакреон; примеры смотри §§ 299 и 300»). Из этого следует, что текст § 151-ред. 2, содержащий ссылку с новыми номерами «филостратовских» параграфов, был составлен во время работы с корректурой листа Т, на котором как раз и находятся «филостратовские» параграфы (с новыми номерами), т. е. практически в самом конце работы над «Риторикой». Это подтверждается и тем обстоятельством, что в этой же ссылке басня Анакреонта указана без номера параграфа. Причина отсутствия номера в том, что содержащий басню параграф находится на следующем печатном листе (листе У), корректурный оттиск которого еще не был готов в момент работы над новым текстом теории вымыслов и соответственно номер параграфа еще нельзя было считать окончательно за ним «закрепленным» и использовать для ссылок: он еще мог измениться.¹⁸

Связь между второй редакцией § 148—151 и текстом главы 5 «О расположении описаний» части III отражена еще в нескольких случаях. Во-первых, это § 149, который целиком является новацией второй редакции «Вымыслов» и в котором вымыслы прямо соотносятся с описаниями и повествованиями (в первой редакции о связи между ними вообще ничего не говорилось): «Чистые и смешанные вымыслы суть или описания, как у Овидия описан солнцев дом в его Превращениях и у Виргилия в Енеиде поля Елизейские, или повествования, каковы суть в Овидиевых Превращениях повествования о сражении центавров, о перемене нимфы Дафны в лавровое дерево, Атланта в гору и прочая» (§ 149-ред. 2).

Деление вымыслов на описания и повествования основано на теоретическом изложении главы 5 части III, в котором автор прямо указывает на связь между этими понятиями в § 287: «Вымышленное описание изображает вещь, которой нет и не бывало, и тем оно от вымысла не разнится» (§ 287; курсив мой. — К. Л.).

Текстуальная связь между теорией вымыслов (ее второй редакцией) и теорией описаний отражается также списком примеров «вымышленных описаний» в § 149-ред. 2: «...как у Овидия описан солнцев дом в его Превращениях и у Виргилия в Енеиде поля Елизейские...».

Источником этого фрагмента с дословным совпадением в формулировках является уже упомянутый § 287, который в рукописной редакции завершался следующей фразой: «Таковые описания весьма часто находятся у стихотворцев, как у Овидия во второй книге Превращений описание Солнцева дому, у Виргилия в Енеиде, в шестой книге описание полей Елизейских».

Таким образом, как и в рассмотренном выше случае с § 305-рук., здесь имело место перенесение фрагмента текста из главы 5 части III в главу «О вымыслах» части I.

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство: эта концовка § 287 сохранилась только в рукописи, в печатном тексте 1748 года она заменена отсылкой: «Таковые описания весьма часто находятся у стихотворцев, о чем смотри § 149». Имеется в виду § 149-ред. 2 (куда и попал сам список примеров), поскольку в первой редакции § 149 находится совсем другой текст, об описаниях вообще ничего не говорится и данный список примеров, естественно, отсутствует.

Те, кто готовил третье издание «Риторики» в 1765 году, не обратили должного внимания на смысловое и текстуальное соотношение частей текста. Они воспроиз-

¹⁸ На такую возможность недвусмысленно указывал тот факт, что номер данного параграфа еще в рукописи был исправлен несколько раз. Таким образом, практика редактирования собственного текста убедительно показывала автору «неустойчивость» рукописной нумерации.

вели первую редакцию § 148—151, но при этом сохранили в тексте § 287 данную отсылку, которая указывала на текст § 149 не первой, но второй редакции. В результате в тексте «Риторике» 1765 года появилась ошибка: неточная, «глухая» ссылка.¹⁹

Согласование теории описаний с теорией вымыслов отразилось еще в одном случае правки в дефинициях чистых и смешанных вымыслов, ср.:

Дефиниция чистых вымыслов

Вымыслы разделяются на чистые и смешанные. Чистые состоят в целых повествованиях о действиях, которых на свете не бывало, составленных для нравоучения (§ 151-ред. 1).

...разделяются вымыслы на чистые и смешанные. Чистые состоят из предложений дел или вещей, которых нет и не бывало (§ 148-ред. 2).

Дефиниция смешанных вымыслов

Смешанные вымыслы состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение (§ 151-ред. 1).

Смешанные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий, однако таким образом, что чрез разные выдуманные прибавления и отмены с оными много разнятся (§ 148-ред. 2).

В целом в каждой паре дефиниций выражается один и тот же смысл, есть текстуальное сходство, но есть и существенные отличия. Так, в частности, выражению «повествование о действиях» из определения чистых вымыслов в § 151-ред. 1 соответствует выражение «предложения дел или вещей», употребленное в § 148-ред. 2. В определении смешанных вымыслов находим сходное варьирование: «Смешанные вымыслы состоят [...] из вымышленных действий» (§ 151-ред. 1) и «Смешанные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий» (§ 148-ред. 2). Мы видим, что в обоих случаях формулировки второй редакции (в § 148-ред. 2) дополняются лексемой «вещь». В контексте ломоносовской «Риторике» данное лексическое распространение является неслучайным, оно обусловлено дальнейшим текстом, а именно — изложением теории описаний. В главе 5 части III Ломоносов выделяет два вида описаний: собственно описания (описания «в тесном разуме») и повествования. Различие между ними заключается в том, что в «собственно описаниях» изображается какая-нибудь «вещь», а в повествованиях — действия («деяния»):

Описанием называется слово или часть оно-го, где представляется вещь или деяние. Представление деяний называется особливим именем — повествование (§ 285).

Описание в тесном разуме значит изображение какой-нибудь вещи (§ 287).

Согласуя между собой теорию описаний и вымыслов, Ломоносов вводит лексему «вещь» в дефиниции чистых и смешанных вымыслов, уточняя соотношения ключевых теоретических понятий. Без этих уточнений получалось бы, что формулировки эти относятся исключительно к «повествованиям», а «описания в тесном разуме» из теории вымыслов выпадают.

Итак, во второй редакции § 148—151 отражается тесная связь теории вымыслов с теорией описаний: 1) об этой связи говорится прямо и непосредственно (в § 149-ред. 2); 2) ее результатом является перенос списка примеров из § 287 в § 149-ред. 2, сопровождающийся связующей ссылкой; 3) она обуславливает лекси-

¹⁹ Заметим также, что составители ПСС, воспроизводя текст 1765 года (вместе с этой ошибочной ссылкой), никак не прокомментировали тот факт, что она указывает не на § 149 публикуемого ими основного текста, а на вариант § 149, приведенный лишь в подстрочных примечаниях.

ческую правку в дефинициях чистых и смешанных вымыслов, дополняющую их лексемой «вещь» (в § 148-ред. 2).

Помимо описанных выше изменений в теории вымыслов второй редакции есть и другие, которые не связаны непосредственно с текстом главы 5. Ломоносов впервые описал «вымыслы» еще в «Кратком руководстве к риторике» 1744 года, и основной особенностью этого описания является то, что они рассматриваются как риторические фигуры в разделе «Украшение». В формальном плане самым общим признаком вымыслов и фигур является то, что и те, и другие представляют собой фрагменты, отрезки текста. Описание вымыслов в «Риторике» 1744 года полностью соответствует такому пониманию. Все литературные примеры вымыслов, приведенные или упомянутые там (в § 112), являются фрагментами текстов: «северный ветер под видом старого <...> мужа», луна «во образе человеческого» и т. д. Безусловно, так и должно быть, если автор ставит знак равенства между вымыслами и фигурами.

Несмотря на то что в «Риторике» 1748 года уже в первой редакции «Вымыслов» они не мыслятся как фигуры и отнесены к другому теоретическому разделу, понимание их как неких составных элементов «слова», которым соответствуют отдельные отрезки, фрагменты текста, сохраняется.

Развернутое сравнение вымыслов с «военными хитростями» в § 149-ред. 1 показывает, что вымыслы все еще понимаются здесь как некие инструменты, средства, которые вводятся в текст, используются оратором для того, чтобы произвести на слушателей необходимое впечатление, ср.: «Вымыслы в красноречии таковы суть, каковы на сражениях военные хитрости, ибо, как с довольным числом солдат и всякого военного снаряду, с искусством как употреблять оружие и с сильным, мужественным на врагов нападением военные хитрости употреблять весьма полезно, так и вымыслы при увеличенном чрез распространения слове <...> весьма много способствуют». Последняя фраза § 150-ред. 1 продолжает эту линию: «Также и великие ораторы в важных словах вымыслы нередко употребляют и тем прозу немало возвышают». И в данном случае, как видим, речь идет о вымыслах как о неких элементах, которые могут быть использованы в цельном «важном» слове. И хотя их употребление, по-видимому, желательно («великие ораторы <...> вымыслы нередко употребляют»), но все-таки не обязательно.

Новый материал появляется в § 151 первой редакции. В нем Ломоносов описывает разделение вымыслов на чистые и смешанные и при этом среди примеров упоминаются названия целых произведений, в частности «Барклавия Аргенида, Гулливерова путешествие по неизвестным государствам <...> Гомерова Илиада и Одиссея, Виргилиева Енеида», а также «Странствование Телемакова, Фенелоном сочиненное».

В таком повороте — возможности отнесения понятия «вымысла» к законченным и цельным литературным произведениям — конечно, нет ничего «революционного». Однако в первой редакции «Вымыслов» примеры целых произведений лишь указаны. В то время как во второй новое понимание оформляется теоретически и терминологически с помощью дихотомии «цельных и частных вымыслов» (в § 150-ред. 2): «Еще разделяются вымыслы на цельные и частные; цельными называем те, которые составляют целое слово, частными, которые в правдивое слово ораторы и стихотворцы для его возвышения вменяют».

Теория вымыслов теперь включает в себя и представление о вымыслах-фрагментах, и представление о вымыслах-произведениях. То, что раньше было интуитивно понятно, теперь получает явное и ясное оформление.

Подводя итог сравнению редакций «Вымыслов», следует отметить, что хотя в тексте первой редакции не было серьезных противоречий, которые бы делали его неисправным в теоретическом отношении, однако в процессе правки текст улучшался: повышалась его внутренняя связность (между теорией вымыслов и описа-

ний), уточнялись некоторые представления, которые, скорее всего, уже имелись, но не были достаточно четко и системно выражены. Сюда относятся уже описанные случаи:

- 1) появление нового теоретического текста в § 149-ред. 2;
- 2) перенос списка примеров из § 287 в § 149-ред. 2 и замена его ссылкой в § 287;
- 3) введение лексемы «вещь» в дефиниции чистых и смешанных вымыслов;
- 4) появление дихотомии «цельных / частных вымыслов».

Во всех этих случаях происходит улучшение текста без его радикального переосмысления. Но есть во второй редакции и пример такого изменения текста, который приводит к существенной модификации теории вымыслов в целом и который связан с уже отмеченной переоценкой жанра басни.

В первой редакции описание содержательной стороны вымыслов сводилось к указанию на нравоучение, которое было включено в дефиниции чистых и смешанных вымыслов. Произведения, лишенные нравоучительности, из описания исключались. Ситуация изменилась после переоценки басен, которые становятся полноправным литературным жанром: тем самым среди вымыслов оказываются возможные произведения, которые «возбуждают веселие или любовь» и не имеют прямо выраженного нравоучения. Происходит расширение допустимого содержания основанной на вымыслах литературы. Безусловно, после этого текст первой редакции, предполагавший существование в сфере литературы только «нравоучительных вымыслов», должен был измениться.

Однако необходимые изменения могли быть минимальными, более того, они и на самом деле были произведены автором. Из формулировок дефиниций чистых и смешанных вымыслов во второй редакции требование нравоучительности устраняется и тем самым перестает быть препятствием для описания каких-либо текстов не нравоучительного характера, ср.: «Чистые (вымыслы. — К. Л.) состоят из предложений дел или вещей, которых нет и не бывало, как писал Апулей о золотом осле и Петроний свой Сатирикон. Смешанные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий, однако таким образом, что чрез разные выдуманные прибавления и отмены с оными много разнятся» (§ 148-ред. 2).

Итак, произведенных изменений вполне достаточно для того, чтобы сделать возможным описание произведений, не обладающих нравоучением в качестве определяющего признака. Но в таком случае встает вопрос: почему нельзя было оставить описание басен (конечно, в обновленном виде), а также повестей и притч в § 305-рук.? Зачем нужно было переносить их дефиниции в § 151?

Как представляется, у этого переноса могло быть несколько причин. § 151-ред. 2, действительно, является кратким описанием литературных жанров. В основе этого описания лежит представление о жанрах как о разновидностях цельных вымыслов, на что сам автор прямо и указывает в первом предложении: «Цельные вымыслы в стихах суть героические поэмы, трагедии, комедии, эклоги, басни и притчи; в прозе — повести и также басни и притчи».

Таким образом, жанровая классификация становится частью классификации вымыслов: все вымыслы делятся на «цельные и частные», а «цельные», в свою очередь, на стихотворные и прозаические разновидности, которые «суть героические поэмы, трагедии <...> басни и притчи» и т. д. Но коль скоро жанры вообще рассматриваются как разновидности цельных вымыслов, то описание повествовательных жанров, представленное в § 305-рук., естественнее всего включить в состав главы, посвященной вымыслам.

Насколько можно судить, изменяются и общие принципы описания содержательной стороны вымыслов. Как уже отмечалось, в первой редакции в дефинициях чистых и смешанных вымыслов было указание на нравоучение, а дефиниция смешанных требовала к тому же еще, чтобы они «содержали в себе похвалу славных

мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения». Очевидно, что эти характеристики, пусть даже сами по себе и верные, не имеют прямого отношения к вопросу о различении чистого и смешанного типов и поэтому во второй редакции дефиниции чистого и смешанного типов от них освобождаются. Содержательные признаки во второй редакции соединяются с описанием жанров и, будучи включенными в дефиниции жанровых разновидностей, сосредоточиваются именно в § 151-ред. 2. Таким образом, описание содержательной стороны вымыслов дается во второй редакции в терминах жанров, которые тем самым становятся неотъемлемой частью этого описания. Происходит перераспределение элементов теории между частями «Риторики»: то, что относится к характеристике содержательной стороны литературы, основанной на вымысле, переносится в главу «О вымыслах» и сосредоточивается в § 151-ред. 2, а относящееся к теории композиции, риторического «расположения» (*dispositio*) остается в части III «О расположении». При этом благодаря появлению в § 151-ред. 2 дефиниции басен происходит и расширение допустимого содержания вымыслов: эта дефиниция вносит во вторую редакцию «Вымыслов» представление о «веселии или любви» (без обязательного прямо выраженного и доминирующего нравоучения) как о возможном содержании литературного произведения.

Здесь следует заметить: тот факт, что жанрам повести, притчи и басни оказалось уделено особое внимание, не означает, что они стали ядром некоей новой теории жанров. В § 151-ред. 2 вообще нет полного и исчерпывающего описания жанров как иерархически организованной системы. Их иерархия в какой-то степени отражается в порядке их перечисления, однако это нельзя назвать разработанной и законченной системой, скорее, это исходная точка, отправной пункт будущего описания, которое, возможно, предполагалось сделать в «Поэзии» и «Оратории». Очевидно, что детали и нюансы понимания Ломоносовым отдельных жанров и жанровой системы в целом должны стать предметом дальнейшего изучения, и материал «Риторики», как видим, может оказаться здесь весьма полезным.

Объединенное описание вымыслов и жанров, являющееся теоретической новацией, относится прежде всего к вымыслам цельным, т. е. к законченным произведениям, однако и описание частных вымыслов не замыкается в рамках посвященной им главы 8. Они неоднократно упоминаются в следующей части («Об украшении»), и особое внимание здесь следует обратить на фигуру «восхищение»: «Восхищение есть когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезвычайного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев» (§ 239).

М. И. Сухомлинов в качестве параллели для «восхищения» указывает фигуру *admiratio* («удивление») из риторики Готшеда.²⁰ Впрочем, более близким к описанию Ломоносова является понятие *furor poeticus* («поэтическое безумие», «поэтический восторг».²¹ Помимо этих важных сближений и параллелей следует обратить внимание еще и на то, что, как видно из дефиниции, важным составным элементом данной фигуры являются вымыслы. В связи с этим отметим, что первое упоминание о «восхищении» мы находим именно в главе 8 части I, где она называется «мечтанием» и рассматривается как средство «умягчения вымыслов» (в § 163). Таким образом, вымыслы в теоретическом плане образуют связи с другими разделами риторики и даже сами участвуют в формировании новых теоретиче-

²⁰ Ломоносов М. В. Соч. / С объяснительными прим. акад. М. И. Сухомлинова. СПб., 1895. Т. 3. С. 497.

²¹ Об истории этого понятия в русской литературе XVIII века см.: Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 116—118, 122—128; Николаев С. И. 1) Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 26—38; 2) Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // Там же. Сб. 26. С. 73—84.

ских понятий. Дело в том, что абсолютно точного соответствия для «восхищения» в непосредственных источниках «Риторике» Ломоносова все-таки не находится²² и поэтому сам факт появления этой фигуры в трактате можно рассматривать как своего рода акт творчества — научного и литературного.

В настоящей статье мы сознательно ограничились сравнением ломоносовских текстов между собой, не привлекая «внешний» материал — европейские риторики, которые использовал Ломоносов в качестве источников. Сравнение редакций «Вымыслов» с источниками — предмет особого исследования. Укажем лишь, что для рассмотренных выше § 148—151 их основной круг указан Сухомлиновым. Сюда относятся риторики Коссена, Помея и поэта Готшеда «Versuch einer kritischen Dichtkunst».²³

В заключение следует отметить, что история текстов «Вымыслов» имеет важное значение и для вопроса об основном тексте «Краткого руководства к красноречию». Выше мы уже отмечали ошибочную сноску, которая возникла в издании 1765 года из-за механического объединения разных частей текста, относящихся, по сути, к разным редакциям. Установленное выше соотношение редакций «Вымыслов» позволяет с еще большим основанием утверждать, что текст, опубликованный в 1765 году (содержащий первую редакцию «Вымыслов», зачеркнутую в корректуре), не отражает последнюю авторскую волю.

Те, кто готовил третье издание «Риторике» в 1765 году, совершенно не учли текстуальное соотношение двух редакций § 151 с § 309. Первая редакция «Вымыслов», закономерным итогом которой является читающийся в рукописи текст § 305-рук., не предполагала наличие среди литературных вымыслов текстов, «возбуждающих веселие и любовь» и не имеющих нравоучительности. И поэтому § 309, не имеющий ничего общего с нравоучениями, не согласуется с первой редакцией, не может существовать в ее смысловых рамках. Только после переработки и переосмысления содержательной стороны вымыслов он смог появиться в тексте. Но эта переработка происходит только в § 151-ред. 2, где и появляется закономерная ссылка на § 309, связывающая эти далеко отстоящие друг от друга фрагменты в единый текст.

Даже если предположить, что в 1765 году Ломоносов решил отказаться от редакции 1748 и 1759 годов в пользу концепции «строгой нравоучительности», то этот сознательный отказ должен был непременно повлечь за собой и устранение § 309, противоречащего «нравоучительной» концепции. Механически объединив в одном тексте первую редакцию «Вымыслов» с § 309, издатели «Риторике» в 1765 году (так же, как и в случае с ошибочной ссылкой из § 287 на § 149-ред. 1) фактически объединили необъединимое, а составители ПСС не заметили этой ошибки.

Именно вторая редакция теории вымыслов в § 148—151 является последней авторской редакцией в составе «Краткого руководства к красноречию» 1748 года. Она возникла в конце работы над «Риторикой» в результате правки, обусловленной внутритекстовыми связями. Важную роль в ее формировании сыграло изменение в расположении теоретических фрагментов, в их распределении по разделам книги. Таким образом, была сформирована комплексная теория вымыслов, включающая элементы теории описаний и жанров. Само по себе стремление автора объединить части этой теории в одном месте текста (что потребовало дополнительной работы в тот момент, когда она должна была уже завершаться) показывает, что он считал такую композицию принципиально важной.

²² Указанное Сухомлиновым *admiratio* таким абсолютно точным соответствием не является, а «поэтическое безумие» при всей близости и содержательных перекличках с «восхищением» не является фигурой.

²³ Ломоносов М. В. Соч. Т. 3. С. 438.